

За окном уже совсем рассвело. Теплые, розовато-красные лучи утреннего солнца заливали комнату, а небо сияло прозрачной лазурью, по которой неспешно дрейфовали редкие облака. Из распахнутого окна потянуло прохладой; кремовые занавески затрепетали, взмывая вверх, точно подол пышного бального платья.

Лу Си замер в полной растерянности. Не зная, куда деть руки, он то тянулся к мужчине, то боязливо отстранялся. Наконец юноша поспешно вытянул из стоявшей на столе коробки несколько мягких салфеток и, осторожно протянув их, пролепетал:

— Ты... только не плачь. Если что-то случилось — просто скажи, но не плачь, пожалуйста...

Он раз за разом повторял эти простые слова — неуклюжий язык не слушался, не позволяя подобрать более изящных утешений.

Но Шэнь Цзитун вдруг улыбнулся. Он смягчился, глядя на него с нежностью, от прежней холодности и ярости не осталось и следа. Он проронил крупную слезу, прозрачную, как кристалл, и Лу Си на мгновение завороченно замер.

— Очень вкусно, — прошептал мужчина.

— А?..

Лу Си стоял столбом, одеревенев от макушки до пят и не зная, куда деть руки.

— Лу Си... — Шэнь Цзитун резко подался вперед. Он вытянулся всем телом, вглядываясь в лицо юноши, а в его глазах, отражая свет лампы, заплясали яркие искры. — Я так по тебе скучал.

— Значит, тебя и правда зовут Лу Си? Какое чудесное имя.

— После нашей разлуки я долго искал тебя в уезде Хуанью. Но там всё так запутано... я никак не мог тебя найти.

Говоря это, Шэнь Цзитун улыбнулся — застенчиво и немного грустно. В этот миг он выглядел почти по-детски невинным, полным трогательного лукавства.

Лу Си слушал его в полном недоумении.

— Мои родные и правда из тех мест, — неуверенно начал он, — но мы переехали, когда я был еще совсем маленьким. Вы... вы наверняка меня с кем-то спутали.

— Ты не помнишь?! — Шэнь Цзитун, казалось, встревожился еще сильнее. Он подался к юноше, почти касаясь его. — Посмотри на меня. Ну же, присмотришься! Неужели совсем ничего не вспоминается?

Лу Си невольно отступил на пару шагов, выставив ладони вперед:

— Директор Цяо, вы... вы слишком близко.

Еще немного — и они бы соприкоснулись лицами. Лу Си видел лишь безупречно белую, словно нефрит, кожу... Дальше — туман.

— Ты ведь тогда приготовил мне лапшу, — обиженно протянул Шэнь Цзитун.

Лу Си промолчал.

«Ну что ж, раз большой босс говорит об этом с таким чувством, вряд ли он решил просто разыграть ничтожного ноунейма».

Он принялся дотошно, со всех сторон разглядывать мужчину, копаясь в самых дальних закоулках памяти... Тщетно. Никаких зацепок. А ведь по логике, таких красавцев, как Цяо Юэ или Шэнь Цзитун, невозможно забыть, даже если видел их всего мельком.

— Послушайте, Цяо...

— Называй меня Цзитун, — поправил его мужчина.

Лу Си замялся.

— Вы ведь знаете о... другой личности? — Шэнь Цзитун приподнял бровь и протянул руку. — Позволь представиться еще раз. Меня зовут Шэнь Цзитун, мне двадцать пять лет. Мы не виделись шестнадцать лет, и вот — долгожданная встреча.

Шестнадцать лет?! Лу Си почувствовал, как мир вокруг него слегка поплыл.

«Мать честная... Мне сейчас двадцать два. Шестнадцать лет назад мне было всего шесть! Да кто ж такое упомнит?!»

Юноша на автомате пожал протянутую руку, пребывая в полной прострации. Помучившись пару минут, он все же не выдержал:

— Цяо... то есть Шэнь Цзитун. Ты уверен, что не ошибся? Неужели всё дело только в миске

лапши?

Шэнь Цзитун выглядел одновременно разгневанным и глубоко несчастным. Но разве мог он злиться на Лу Си? На того, о ком грезил столько лет? Он поджал губы и посмотрел на него взглядом брошенной жены, безмолвно укоряя в забывчивости, а затем твердо отрезал: он ни за что бы не перепутал.

— Да это же самая обычная домашняя лапша! — едва не вскричал Лу Си. — Почти все так готовят!

Шэнь Цзитун вскочил.

— У меня есть доказательство!

С этими словами он умчался в спальню. Спустя пару минут он вернулся, сияя от гордости, и продемонстрировал деревянный свисток.

— Вот, смотри. Это ты мне подарил, — заявил он с таким видом, будто владел величайшим сокровищем мира.

Лу Си уставился на вещицу. Простенький, даже грубоватый свисток на нелепом белом шнурке. Поверхность дерева была затерта до блеска — видно было, что его часто держали в руках. Сейчас такую копеечную безделушку никто и с земли бы не поднял, но Шэнь Цзитун дорожил ею невероятно.

— Можно... можно мне взглянуть? — спросил Лу Си.

— Держи, — Шэнь Цзитун щедро протянул ему игрушку.

Лу Си взял ее с величайшей осторожностью. Кто знает, а вдруг этот чужак всё-таки ошибся и принял его за друга детства? Сломаешь такую реликвию — и пиши пропало.

Дерево еще хранило тепло чужих рук. Лу Си вертел свисток так и этак, не понимая, что в нем особенного. Обычная копеечная поделка. Но тут его взгляд упал на основание. Там были вырезаны две буквы: «LX». Инициалы его имени.

Внезапно в мозгу вспыхнула яркая искра. Память неохотно, со скрипом, вытолкнула на поверхность обрывок далекого прошлого.

— Так это, оказывается, ты тогда мой свисток стащил! — выпалил Лу Си, не успев прикусить язык.

Его дед был плотником и сам смастерил этот подарок внуку на день рождения. Когда свисток пропал, маленький Лу Си горько плакал, забившись под одеяло. Со временем родители подарили ему новый, еще лучше, с цветными узорами, и старая обида стерлась из памяти.

Шэнь Цзитун вытаращил глаза, едва не зашипев от возмущения:

— Ты сам мне его отдал!

— Ничего подобного! — стоял на своем Лу Си.

Шэнь Цзитун... он на мгновение замялся. Подарок-то тогда принимал Цяо Юэ, и он знал обо всем лишь с его слов. Но в следующую секунду мужчина резко выхватил свисток из рук опешившего юноши:

— Теперь он мой!

Это был подарок Лу Си. Его первый подарок, и он никогда его не вернет.

Лу Си лишь хмыкнул, качая головой:

— Всего лишь старый свисток. Стоит ли из-за него так убиваться?

В комнате внезапно стало очень тихо.

Шэнь Цзитун молча смотрел на него. В его темных, влажных глазах погас последний свет. Лу Си замер, коря себя за длинный язык, и тихо выдавил: «Прости».

— Ничего страшного.

Мужчина покачал головой, пытаясь успокоить юношу.

В груди у него заныло. Боль была острой, невыносимой. В бесконечные, густые, как смола, ночи он сотни раз представлял себе их встречу. Гадал, узнают ли они друг друга? Смогут ли снова пройти по той тихой улочке? Понравится ли Лу Си его песня? Будет ли лапша с яйцом такой же вкусной, как в детстве?

Он вырос. Теперь он был сильным и мог защитить его, подарить ему весь мир, как когда-то обещал. Он продумал всё до мелочей, кроме одного: что этот человек его просто не помнит. Та яркая, как утренняя заря, память, которую он хранил как святыню, для Лу Си оказалась лишь ничего не значащим пустяком.

Где-то на задворках сознания Шэнь Цзитуна зазвучал его собственный голос. Он пел.

«Пустые улицы, пустые комнаты...

Пустая печаль затаилась в сердце моем.

Один. Лишь бесконечное одиночество давит на плечи...»

...

«Я всё жду, но любовь так недосягаема.

Я молю Бога лишь об одном: пусть мечта приведет меня к тебе...»

Какая прекрасная песня. Настолько прекрасная, что от неё разрывается сердце. А внутри уже просыпался зверь, требуя крушить и ломать всё вокруг.

— Шэнь Цзитун... Цзитун... Ты в порядке? — Лу Си с опаской коснулся его плеча.

Становилось жутковато. Если прежний Цяо Юэ пугал своей ледяной отстраненностью, то нынешний Шэнь Цзитун напоминал танцора на натянутой проволоке: один шаг — и либо рай, либо бездна.

— А?

Мужчина вздрогнул, возвращаясь из глубин своего разума. Встретившись с тревожным взглядом Лу Си, он медленно успокоился. Буря в душе утихла.

— Всё хорошо, — он выдавил слабую улыбку.

Да, он его нашел. И как бы плохо ни обстояли дела сейчас, это всё равно лучше, чем то, что было раньше.

Лу Си еще некоторое время подозрительно следил за ним, но, убедившись, что припадок миновал, наконец расслабился.

В голове некстати всплыла фраза из какой-то статьи: «Люди с расстройством личности любят и ненавидят гораздо яростнее обычных, их эмоции всегда на грани».

«И что теперь?.. — тоскливо подумал Лу Си. — Он меня теперь до конца жизни ненавидеть

будет?»

ТАТ.

<http://bllate.org/book/17413/1658205>